

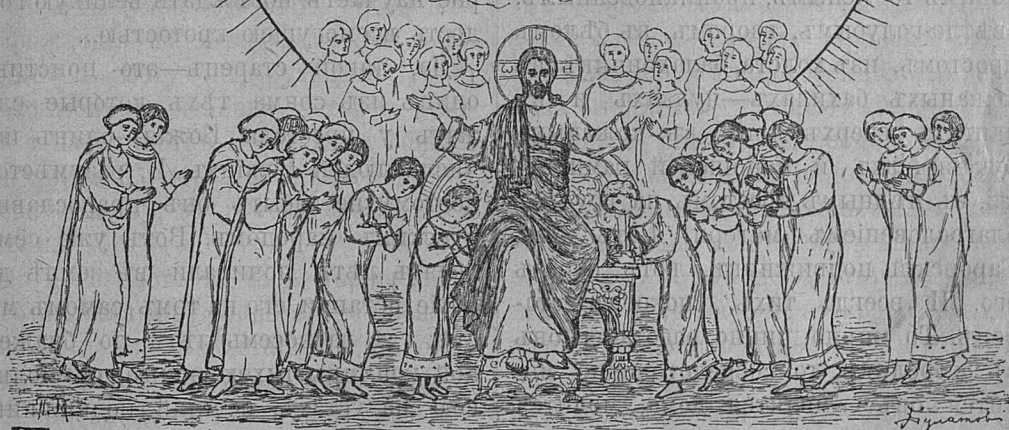
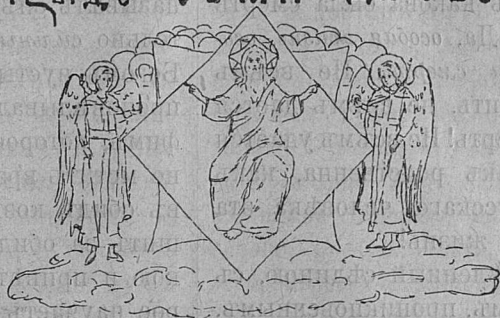
БОЖІА ПИВА

СЕ ИЗЫДЕ СЪМЪ ДА СЪЕТЪ.



ОСТАВИТЕ
ДѢТИ ПРИ
ХОДИТИ
КО МНѢ И
НЕ БРАНИ
ТЕ ИМЪ

АНГЛИ ИХЪ
НА НЕБѢХЪ
ВЫНОУ ВИ
ДАТЪ ЛИЦЕ
ОЦА МОЕГО
НЕ СНАГО.



Троицкій Собесѣдникъ для церковно приходскихъ школъ.

СВЯТОЙ НОСИТЕЛЬ ПРАВОСЛАВНО-РУССКИХЪ ЗАВѢТОВЪ.

Широкой могучей волною разлилась по всему лицу земли Русской радостная вѣсть о прославленіи новаго святого молитвенника великаго Саровскаго старца. Съ чувствомъ радости произноситея дорогое, близкое, сродное русской душѣ имя. Тамъ, въ тихой пустыни, у гроба любимаго учителя-старца всѣ сердечныя думы православно-русской души. Туда переносится она и задумывается,

задумывается надъ тѣмъ, что значить тихо, среди подвига жить и втихомолку служить человѣчеству. Да, это особая жизнь среди безконечнаго ряда другихъ человѣческихъ жизней; это особая слава, затемняющая и покрывающая славу бранныхъ героевъ. И смерть старца—вѣдь это особая тихая, рѣдкая смерть въ длинной цѣпи ужасныхъ смертей, вѣсть о которыхъ доносится къ намъ ежедневно изъ раз-

ныхъ странъ, гдѣ какъ-бы изъ нѣдръ земли, вмѣстѣ съ пламенемъ рождается смерть, гдѣ отверзаются источники бездны и гдѣ злоба людская прекращаетъ нетканную нить человѣческой жизни. Сталь на молитву и отдалъ Богу душу—вотъ какова была смерть святого старца. Да, особая жизнь, особая слава, особая смерть. Не всѣмъ удастся такъ жить, не всѣмъ дается такая слава и смерть! Не всѣмъ удается такъ жить, а какъ родственна, какъ близка духу русскаго человѣка эта равноангельская жизнь!

Старичекъ, убѣленный сѣдиною, съ какимъ-то яснымъ, проникновеннымъ, свѣтло-голубымъ, взоромъ, въ бѣломъ простомъ, изъ холста, балахончикѣ, въ кожаныхъ бахилахъ—чулкахъ и въ лаптяхъ сверхъ того, въ кожаныхъ рукавичкахъ и поношенной камилавкѣ, съ мѣднымъ крестомъ на груди—благословеніемъ матери. Вотъ онъ, Саровскій подвижникъ, вотъ образъ его. И всегда тихъ, спокоенъ старецъ. То мирно, чинно работаетъ онъ въ огородикѣ; то сосредоточенно молится онъ—молится дома, молится тысячу дней и ночей, стоя на камнѣ, то спокойно идетъ онъ съ котомкою за плечами, въ которой песочекъ и камушки, удручающіе плоть, а сверхъ нихъ святое Евангеліе—этотъ источникъ словесъ жизни; то—онъ среди лѣсной тишины: словно случайный гость на землѣ неподвижно стоитъ онъ и смотритъ сквозь чащу древесную въ ясное небо, а самъ поетъ тихую священную пѣснь, возносящую душу къ Богу; то безстрашно сидитъ онъ съ необыкновеннымъ гостемъ лѣсовъ—съ большимъ медвѣдемъ—не забылъ и его добрый старецъ, питающій звѣря хлѣбомъ... А вотъ онъ и среди людей. Всѣмъ отъ него ласка, всѣмъ доброе слово, всѣмъ низкій, а

иногда земной поклонъ, всѣмъ привѣтъ: „радость моя“...

Чѣмъ инымъ можетъ быть такой старецъ, какъ не воплощеніемъ смиренья и кротости? Живымъ проповѣдникомъ ихъ и былъ „убогій“,—какъ называлъ онъ себя, и теперь дѣйствительно *сильный у Бога*, прославленный Богомъ пустычникъ. И не то смиреніе проповѣдывалъ жизнью святой Серафимъ, которое оставляетъ обидящаго, не метитъ врагу, а то, которое видитъ въ обидѣ кознь діавола, а само спѣшитъ за обидимымъ, спѣшитъ съ ласкою и привѣтомъ, то смиреніе, которое научаетъ побѣждать великую гордость всемогущею кротостью...

Да, такой старецъ—это поистинѣ одинъ изъ сонма тѣхъ, которые служатъ у престола Божія—одинъ изъ числа людей Божіихъ. И, разумѣется, поэтому не забыть онъ православно-русскимъ народомъ. Вотъ уже семьдесятъ лѣтъ почивали въ землѣ дорогіе останки его на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ за восемь лѣтъ до блаженной кончины тихою ночью, съ молитвою на устахъ, великій подвижникъ положилъ большой камень и гдѣ трижды внимательно смотрѣлъ на землю всего за день до своей блаженной кончины. Казалось-бы, что и самое имя старца могло давно ужъ забыться. Вѣдь умеръ только простой инокъ, скромный незамѣтный пустычникъ, умеръ семьдесятъ лѣтъ назадъ—время достаточное для забвенія. Но видно, что не напыщенная національная гордость народа, а святая любовь похоронила дивнаго старца. Эта-же любовь поручилась и за цѣлость и неприкосновенность памяти любимаго. *Любовь и въру въ своей жизни лелѣялъ старецъ. Любовь и въра похоронили его. Любовь и въра оградил отъ забвенія память его. Любви и въртъ снова и является онъ...*

И не напрасно вѣрующая Русь давно уже чтитъ со святыми память богоноснаго Серафима. Не напрасно деревенская мать-поселянка давно, давно уже подносила къ изображенію старца своего малютку-ребенка и тихо шептала ему: „смотри, касатикъ, это святой старичекъ“. И тарацились, тарацились съ младенческихъ лѣтъ ясные глазенки ребенка на блаженнаго старичка. Такъ, и старые и малые давно уже знали о святомъ старцѣ, узнали и полюбили его, полюбили за слезы и молитву сочувствія, за пониманіе религіозныхъ запросовъ души и за ихъ удовлетвореніе, за чудеса возрожденія маловѣрующихъ, за обращеніе къ Богу невѣрующихъ, за то братолюбивое общеніе, которое зиждется на единствѣ вѣры и на общности святыхъ упованій, и, наконецъ, за русскую душу, за русскіе взгляды и мысли...

Но вотъ насталъ часъ торжественнаго явленія міру славы свято прожившаго и почившаго старца. Еще одна яркая звѣздочка благодатно засіяла на церковномъ небѣ... Еще одинъ молитвенникъ и великій заступникъ явленъ всему православнохрістіанскому міру. Еще новое напоминаніе людямъ о ихъ нравственномъ совершенствованіи и не просто напоминаніе, но и полное, жизненное воплощеніе нравственной личности. И дѣйствительно, какъ бы слышится гласъ Бога съ неба: вы, кои находитесь во тьмѣ и сѣни смертной, забываете о небесныхъ обителяхъ, для васъ уготованныхъ, воззрите на собрата вашего. Путемъ вѣры и святыхъ подвиговъ онъ пришелъ отъ васъ въ нѣдра вѣчнаго покоя, но Я паки посылаю его вамъ, да будетъ вашимъ руководителемъ, хранителемъ и помощникомъ... Идите по стопамъ собрата вашего и вы подобно

ему придете ко мнѣ и Азъ упокою вы ¹⁾.

И этотъ безмолвный, но краснорѣчивый призывъ, обращенный къ сердцу каждаго хрістіанина, долженъ затронуть всѣхъ. И особенно онъ долженъ быть радостенъ и утѣшителенъ труженикамъ школь, которые должны совершенствоваться не только себя, но и другихъ. Говоримъ, особенно утѣшителенъ, потомучто *личность блаженнаго старца есть идеальное выраженіе тѣхъ свойствъ, того склада православно-русской души, охранять и совершенствовать которую долженъ каждый честный труженикъ на нивѣ дѣтскихъ сердець*. Святой саровскій подвижникъ, со всѣми особенностями его духа является лучшею мѣркою достоинства всѣхъ земнородныхъ, лучшимъ образцомъ для подражанія. Своими духовными совершенствами, своею внутреннею мощью онъ рѣшительно осуждаетъ всѣхъ тѣхъ, которые обогащаютъ мысль на счетъ сердца, развиваютъ внѣшняго челоуѣка въ ущербъ внутреннему. Для Бога, для вѣчности, для общественнаго служенія нуженъ прежде всего „челоуѣкъ“ и „челоуѣку“ только будетъ признательно и все отечество. А наше отечество по преимуществу преклоняется предъ „челоуѣкомъ“—православнымъ хрістіаниномъ.

А вотъ правила жизни такого челоуѣка. „Укоряють—не укоряй; гоняють—терпи; хулять—хвали; осуждай самъ себя, такъ Богъ не осудитъ, покоряй волю свою волѣ Господней; никогда не лъсти; познавай въ себѣ добро и зло: блаженъ челоуѣкъ, который знаетъ это; люби ближняго твоего: ближній твой—плоть твоя. Если по плоти поживешь, то и душу и плоть погубишь; а если по Божьему, то обоихъ спа-

¹⁾ Инок. Херс.

сешь. Эти подвиги больше, чѣмъ въ Кіевъ идти... Все для сердца хрістіанина должно быть любезно, что приняла и облобызала св. Церковь. Не забывай праздничныхъ дней: будь воздержень, ходи въ церковь, развѣ немощи когда; молись за всѣхъ; много этимъ добра сдѣлаешь; давай свѣчи, вино и елей въ церковь: милостыни много тебѣ блага сдѣлаетъ. По постами скоромнаго не ѣшь... Не о хлѣбѣ единомъ живѣ человѣкъ... Что церковь положила на семи Вселенскихъ соборахъ, исполняй. Горе тому, кто слово одно прибавить къ сему или убавить... Мы живущіи на землѣ много заблудили отъ пути спасительнаго... Нынѣ хрістіане разрѣшаютъ на мясо и во св. четырехдесятницу и во всякій постъ, среды и пятницы не сохраняютъ, а Церковь имѣетъ правило: не хранящіе святыхъ постовъ и всего лѣта пятницы много грѣшатъ... Напой, накорми, будь справедливъ. Господь терпитъ. Ты такъ дѣлай: аще Богъ прощаетъ, и ты прощай, сохрани миръ душевный. Исаакъ, сынъ Авраамовъ, не злобился, когда у него колодцы засыпали и отходили; а потомъ его же стали просить къ себѣ, когда Господь Богъ благословилъ его стократнымъ плодомъ ячменя... Не хочется съ кѣмъ кушать—*не кушай* (если сътъ), а садись всегда за столъ, ибо какъ увидятъ, что ты самъ сълъ и ласковъ, и возвеселятся, и покушаютъ-то болѣе съ велию радостію... Всѣ должны быть готовы жертвовать всѣмъ для блага родины и Церкви"... Это—правила и наставленія Самого святаго и богоноснаго отца нашего Серафима. Въ нихъ начертанъ образъ поведенія истиннаго Хрістіанина. И въ нихъ имѣетъ полное оправданіе своей дѣятельности каждый добрый народный наставникъ, который учитъ питомцевъ своихъ

школь любви къ православно-русской вѣрѣ, къ роднымъ храмамъ, къ уставамъ и завѣтамъ добраго стараго времени.

Тамъ, въ духовномъ обликѣ Святого Старца, можетъ найти подкрѣпленіе каждый хрістіанинъ учитель. Находя въ немъ поощреніе въ своей многотрудной дѣятельности, онъ съумѣетъ, конечно, повѣдать и дѣтямъ своимъ о томъ, чѣмъ былъ великъ Саровскій подвижникъ. Въдѣ на Руси святой не мало такихъ дѣтей, которыя не имѣютъ ни средствъ, ни времени поклониться святому угоднику и припасть къ праху того, кто самъ такъ много любилъ дѣтей и такъ высоко цѣнилъ невинность ихъ чистаго сердца и съ которыми онъ былъ особенно близокъ по духу незлобія. Пусть поэтому перенесетъ онъ сердцемъ въ дружной доброй бесѣдѣ къ чистому сердцемъ. Это—мощный заступникъ и наилучшій оплотъ православной вѣры среди современныхъ увлеченій невѣрія, которое широкимъ мутнымъ потокомъ смываетъ и стираетъ съ дѣтекъ сердце печать хрістіанства...

Сердце сердцу вѣсть подаетъ—это законъ духовнаго сродства. По силѣ этого закона не будетъ тщетна и благодатная помощь святаго старца всѣмъ призывающимъ его и поучающимся у него ревнителямъ православія противъ козней вражескихъ, ибо по слову незабвеннаго святителя Филарета "тотъ, кто съ вѣрою и любовью къ Богу и Его Закону, съ надеждою благодатной помощи Божіей, твердо стоялъ противъ искушенія и дѣйствительно пріялъ благодатную помощь къ отраженію онаго, кто ревностно и постоянно упражнялся въ нѣкоемъ благочестивомъ подвигѣ и добродѣтели и дѣйствительно пріялъ благодатную помощь совершить под-

вигъ или добродѣтель..., тотъ можетъ и другимъ искушаемымъ и подвизающимся помощи“¹⁾. И поможетъ, несомнѣнно поможетъ всѣмъ труждающимся на нивѣ Божіей благодатный

старецъ и, можно, сказать даже помочь уже, когда показалъ міру какъ святы, какъ похвальны жизнь по Богѣ и облеченіе въ правду Божію.

Димитрій Введенскій.

ХАРАКТЕРЪ И ЗНАЧЕНІЕ ЦЕРКОВНО-ШКОЛЬНАГО ПРОСВѢЩЕНІА.

Изъ рѣчи на актѣ по окончаніи занятій въ церковныхъ школахъ 11 мая 1903 г. ¹⁾.

Каковъ долженъ быть характеръ церковно-школьнаго просвѣщенія?

На знамени школъ церковныхъ, такъ сказать, написано: „Церковь“, и средоточіе просвѣщенія въ нихъ и главный его источникъ есть слово Божіе. Поэтому Законъ Божій и славянскій языкъ съ Евангеліемъ и Псалтирью суть главные предметы изученія въ церковныхъ школахъ. Въ этихъ школахъ никогда не умиралъ тотъ идеаль чисто „духовнаго“ просвѣщенія, которое въ самыя бѣдственныя времена Греческой и Русской Церкви со стороны турокъ, татаръ и другихъ народовъ сохранялось въ монастыряхъ,— идеаль, по которому главную задачу просвѣщенія составляетъ познаніе духовной жизни, познаніе средствъ, какими можетъ каждый „совлечься ветхаго челоуѣка“ съ его страстями и похотями, удобнѣ побѣждать страсти и перестроить всю жизнь личную и общественную по духу заповѣдей Христовыхъ. Этотъ идеаль составлялъ всегда средоточіе церковнаго просвѣщенія, какой бы высоты и широты оно ни достигало. И если теперь находятся многіе люди, которые, основываясь между прочимъ на словахъ знаменитаго дѣятеля церковнаго просвѣщенія С. А. Рачинскаго, говорятъ, что монастыри

должны, какъ можно шире, развить свою духовно-просвѣтительную дѣятельность, то должно сказать, что эта дѣятельность есть по преимуществу дѣло приходскихъ пастырей и церковныхъ школъ. Монастыри по прежнему должны остаться по преимуществу обителями духовныхъ созерцаній и молитвенныхъ подвиговъ, вліяя на жизнь окружающихъ болѣе всего примѣромъ своей сосредоточенной, безмолвной жизни въ Богѣ, дѣло же *школьнаго* церковнаго просвѣщенія должно перейти ²⁾ въ приходы. И отраднотмѣтитъ то обстоятельство, что сознание необходимости взять на себя это дѣло все болѣе и болѣе овладѣваетъ умами пастырей Церкви, которые начинаютъ смотрѣть на школьное обученіе, какъ необходимую и существенную отрасль пастырской дѣятельности. Церковно-школьное дѣло продолжаетъ замѣтно оживляться, весьма многіе дѣятели его проникнуты искреннимъ одушевленіемъ и усердіемъ, готовы вынести просвѣтительную дѣятельность школы за предѣлы ея посредствомъ духовныхъ собесѣдованій, устраиваемыхъ при школахъ, а также инымъ способомъ вліять на окружающее населеніе.

¹⁾ Изъ Олоонецк. Еп. Вѣд.

²⁾ Точнѣе—сосредоточиться. *Ред.*

¹⁾ Слова и рѣчи Митроп. Филарета.

Но если такова задача церковно-школьного просвѣщенія, то понятно, что наша церковная школа не должна слишкомъ гнаться за блескомъ внѣшнихъ и научныхъ знаній и стремиться идти, такъ сказать, въ уровень съ міровоззрѣніемъ переживаемаго вѣка. Посему напрасно стараются доказывать значеніе церковной школы тѣмъ, что она не уступаетъ свѣтскимъ школамъ въ уровнѣ внѣшнихъ познаній. Напротивъ, пусть иногда уступаетъ, иногда превосходитъ, — не *въ этомъ* истинное значеніе и заслуга нашей школы. Поставивъ своею цѣлю дать „единое на потребу“, она скорѣе должна быть готовою, по завѣту Христову, встрѣтить поношенія и укоры за недостатокъ въ ней многого „великаго въ очахъ людскихъ“, лишь бы дѣло ея было высоко въ очахъ Божіихъ (Лук. 16, 15), памятуя въ то же время, что „ищущему царствія Божія и все прочее приложится“ (Мѡ. 6, 33). Пусть наша школа цѣнитъ болѣе всего то, что въ рукахъ ея находится главное средство духовнаго воспитанія общества—свѣтъ вѣры Христовой, положенной въ основу просвѣщенія славянскихъ народовъ ихъ первоучителями Кирилломъ и Меодіемъ. Ибо можетъ ли такое важное дѣло, какъ дѣло воспитанія, держаться на столь шаткихъ опорахъ, какъ слабыя, вѣтромъ колеблемыя разсужденія человѣческія объ общественной пользѣ нравственности, объ одинаковости интересовъ у всѣхъ членовъ общества, о взаимной выгодѣ и т. п.? Если совѣсть, „голосъ Божій“ въ чловѣкѣ, часто оказывается безсильнымъ противостоять бурному напору сильныхъ страстей, то могутъ ли противостоять ему отвлеченныя и безпочвенныя соображенія разсудка? Во Франціи, гдѣ особенно сильно стремленіе отдѣлать школу отъ Церкви и

удалить изъ первой законъ Божій, все болѣе сознается, къ какимъ вреднымъ послѣдствіямъ для общественной нравственности ведетъ подобное отдѣленіе.

Если не суждено уже нашей школѣ возвратить тѣ времена, когда въ ново-просвѣщенномъ народѣ Русскомъ вѣра во Христа была живою и цѣлостною, проникла всѣ жизненныя отношенія, то велико будетъ ея значеніе и въ томъ случаѣ, если она хотя отчасти возбудитъ и усилитъ въ нашемъ народѣ его прежнюю любовь къ поученію въ Евангеліи, Псалтири, способность испытывать духовное наслажденіе отъ чтенія свято отеческихъ твореній. Велика будетъ ея слава и тогда, если она хотя отчасти будетъ способствовать оздоровленію великаго тѣла Россіи, пораженнаго уже въ столь многихъ частяхъ своихъ язвами раскола, сектанства, даже склонности къ социалистическимъ и анархическимъ ученіямъ, если, раскинувъ сѣти своего вліянія по приходамъ, она хотя отчасти задержитъ, волну увеличивающагося въ народѣ духовнаго развращенія чрезъ внушеніе строгости нравовъ. И если плоды ея дѣятельности пока мало еще замѣтны, то должно помнить, что, вѣдь, и царствіе Божіе подобно зерну горчичному, которое меньше всѣхъ сѣмянъ, но потомъ, когда вырастетъ, становится деревомъ, и птицы небесныя укрываются въ вѣтвяхъ его (Мѡ. 13, 32). Плоды эти обнаруживаются въ большей любви и преданности Церкви, въ памятованіи ея завѣтовъ, въ большей готовности руководствоваться ими въ жизни.

Пусть же школа наша небоязненно и непостыдно держитъ свое знамя, съ которымъ выступала отъ первыхъ временъ! „Не бойся, малое стадо! говорилъ нѣкогда Спаситель малому еще

числу Своихъ преслѣдователей, ибо Отець вашъ благоволилъ дать вамъ царство! (Лук. 12, 32). Да памятуешь эти утѣшительныя слова Христовы и школа наша, „продавая имѣнія свои“, т. е. отказываясь отъ исключительнаго предпочтенія всему сокровищъ внѣш-

ней культуры и приготовляя въ душахъ учениковъ своихъ „влагалища неветщающія, сокровище неоскудѣвающее на небесахъ“ (Лук. 12, 33), куда по преимуществу и должны быть направлены взоры дѣятелей церковной школы!

Архим. *Ваддей*.

ПИСЬМА С. А. РАЧИНСКАГО КЪ Г. А. ТРАСТОМУ.

(Продолженіе) ¹⁾.

54.

Татеево, 9 января 1891 г.

Милый другъ Егоръ,

Очень радуюсь тому, что дѣло о твоёмъ священствѣ идетъ на ладъ. Радуюсь потому, что по крайнему моему разумѣнію, ты *можешь* сдѣлаться хорошимъ сельскимъ священникомъ.

Для этого нужно только тебѣ твердо помнить, что возвышеніе твое до этого сана—великая милость Божія, и что эту милость еще предстоитъ тебѣ заслужить.

Ты лишень богословскаго образованія, и этотъ пробѣлъ тебѣ никогда пополнить не удастся. Тѣмъ болѣе долженъ ты стараться о томъ, чтобы быть священникомъ образцовымъ по чистотѣ жизни, по любви и снисхожденію къ пасомымъ.

Характеръ у тебя добрый—ты самъ изъ крестьянъ и обходиться съ ними не успѣлъ разучиться. Условія жизни *черноземныхъ* священниковъ настолько благопріятны, что ты можешь прожить безбѣдно, нисколько не стѣняя своихъ прихожанъ притязательностію относительно вознагражденія за требы: надѣюсь, что тебѣ удастся въ этомъ отношеніи *понизить*, безъ стѣсненія для

себя, требованія твоего предшественника.

Но важнѣе всего для тебя пріобрѣсти на крестьянъ вліяніе нравственное. А дастся оно только жизнію безукоризненною, и постояннымъ, терпѣливымъ и любовнымъ, общеніемъ съ пасомыми.

Весьма счастливо то обстоятельство, что ты членъ нашего общества трезвости. Пребывай ему вѣренъ. Тебѣ предстоитъ борьба съ пьянствомъ. Примѣръ Татеева доказываетъ, что такая борьба возможна только для человѣка абсолютно трезваго—и что таковой *всегда* имѣетъ успѣхъ.

Только теперь узналъ я, что тебѣ предлагается мѣсто въ *Зубриловкѣ*. Въ этомъ великолѣпномъ имѣніи я не бывалъ, но его знаетъ Варвара Абрамовна, которая провела молодость свою по близости, въ Кирсановскомъ уѣздѣ. Тамъ же и *мое* имѣніе. Ты переѣзжаешь—въ мое сосѣдство... Не странно ли это?

Какъ ты видишь по моему почерку, я совершенно измученъ. На дняхъ поджидаю помощника.

Здоровье Варвары Абрамовны все въ томъ же опасномъ положеніи.

Да хранитъ тебя Богъ

С. Рачинскій.

¹⁾ См. № 11, 12 13, 14, 15, 16, 17 и 18.

55.

Татево, 23 января 1901 г.

Милый другъ Егоръ,

Смысль переданныхъ тебѣ словъ Саратовскаго Архіерея ясенъ, какъ день. Тебѣ предстоитъ экзамень по пастырскому богословію и каноническому праву, *и только*. И такъ, къ веснѣ тебѣ придется усвоить содержаніе двухъ краткихъ учебниковъ. Въ этомъ большого несчастія не вижу. Посвятить тебя безъ экзамена архіерей *не можетъ*: это раздражило бы мѣстныхъ кандидатовъ; экзамень же, произведенный самимъ Владыкою, огрadyть и его, и тебя, и княгиню, отъ всякихъ нареканій.

Ко мнѣ на дняхъ прибылъ новый мой помощникъ, что наконецъ дастъ мнѣ возможность навѣстить прочія мои училища. До сихъ поръ это было совершенно неисполнимо.

Здоровье Варвары Абрамовны все въ томъ же положеніи.

Новостей у насъ никакихъ. Никого не вижу, читать не имѣю времени, и силъ моихъ на продолженіе уроковъ двумъ группамъ до весны конечно не хватило бы, ибо здоровье мое очень плохо.

Да хранить тебя Богъ.

Любящій тебя С. Рачинскій.

56.

Милый другъ Егоръ,

Маленькое порученіе. На прилагаемые 15 р. (за вычетомъ денегъ на пересылку)—купи икону (аналойную) Преп. Сергія, и пошли ее по почтѣ въ *Бѣлой*, Алексѣю Петровичу Маркову (Уѣздное Казначейство).

При Большомъ тюремномъ замкѣ возникло общество трезвости, и идетъ весьма успѣшно. Но иконы Преп. Сер-

гія въ церкви не имѣется, что при молебнахъ неудобно.

Да хранить тебя Богъ.

С. Рачинскій.

57.

Татево, 27 февраля 1901 г.

Милый другъ Егоръ,

Благодарю тебя за быстрое исполненіе моего порученія. Алексѣй Петровичъ теперь здѣсь, и говоритъ, что икона вполне прилична. На остаточныя деньги попроси О. Никона отправить Алексѣю Петровичу листовъ (разныхъ) по своему выбору, (для раздачи заключеннымъ въ тюремномъ замкѣ). — Общество трезвости при этомъ замкѣ быстро разрастается (82 члена—въ томъ числѣ всѣ служащіе при острогѣ).

Мое здоровье совсѣмъ плохо, и эта зима—вѣроятно послѣдняя моего ученія. Уже теперь даю лишь половину уроковъ, которые давалъ съ начала зимы. По счастью я обзавелся прекраснымъ помощникомъ Воскресенскимъ.

По твоему письму вижу, что разстаться съ Домомъ Призрѣнія тебѣ не будетъ особенно трудно. Дай Богъ тебѣ благополучно перебраться на берега Волги.

Обнимаю тебя отъ души.

С. Рачинскій.

58.

Татево, 10 іюня 1901 г.

Милый другъ Егоръ,

Не вижу, почему хозяйственное порученіе, данное тебѣ Е. С. Кротковою, мѣшаетъ тебѣ искать священническаго мѣста. Покосъ не за горами, и конечно успѣешь присмотрѣть за нимъ прежде, чѣмъ понадобится тебѣ двинуться съ мѣста.

У насъ ничего новаго. Здоровье мое

плохо, погода скверная. Съ трудомъ учу единственнаго моего ученика, Егора Петрова.

Сергій Сеодзи благополучно выдержалъ экзамень, и будетъ у насъ около

20-го. Не знаю еще какъ справился съ экзаменомъ О. Александръ Васильевъ. Никонъ у насъ, и работаетъ усердно.

Да хранить тебя Богъ.

С. Рачинскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ учительскихъ дневниковъ.

Мой ученикъ.

Въ 188* году я былъ назначенъ учителемъ въ Удеревскую школу грамоты, переименованную въ церковно-приходскую. Я долженъ былъ принять школу отъ Θεодора Іосифовича Былдина, простаго грамотея-солдата. Это былъ одинъ изъ тѣхъ скромныхъ и незамѣтныхъ тружениковъ, которые вмѣстѣ съ народомъ создали церковную школу и въ годину школьной бѣдности и нищеты вынесли ее на своихъ плечахъ. Удеревская школа помѣщалась въ маленькой хатѣ у вдовы Марины, которую она „ради добраго дѣла“ представила въ распоряженіе школьниковъ бесплатно. Здѣсь въ тѣснотѣ и духотѣ училось и мучилось до пятидесяти дѣтей. Какъ рои пчелъ облѣпили они въ безпорядкѣ разставленные простые крестьянскіе столы, надъ которыми торчали однѣ кудлатыя, печесанныя головки. Читали по книгамъ разныхъ наименованій, часто безъ начала и конца. Въ углу теленокъ жевалъ кусокъ грязной тряпки. Подъ столами шнырялъ поросенокъ. Тутъ же вдова Марина сидѣла на лежанкѣ и вязала чулокъ. Самъ Θεодоръ Іосифовичъ въ рабочемъ фартукѣ стоялъ за столярнымъ станкомъ и въ тоже время зорко слѣдилъ за школой. Я представился. При моемъ входѣ все вдругъ зашевелилось: вся женская

половина школы во мгновеніе ока очутилась на печкѣ. И не понимаю, какъ она примостилась на ней! При первомъ же взглядѣ я сразу замѣтилъ плотнаго бѣлокураго мальчика, сидѣвшаго на окнѣ съ книгою на колѣняхъ. Онъ на минуту поднялъ на меня свои кроткіе, задумчивые глаза и снова углубился въ книгу. Отъ неправильнаго, сильно наклоненнаго положенія, глаза его были мутны и красны.

— Это кто? тихо спросилъ я у Θεодора Іосифовича.

— Это тутъ одной вдовицы сынъ.

— Чего же онъ на окнѣ?

— Да онъ пришолъ уже по свѣту и мѣста были уже всѣ заняты.

— Почему же онъ опоздалъ?

— Онъ одинъ сынъ у матери и управляться по дому было некому. А къ ученію охота у него смертная. Его и мѣдомъ не корми, давай только книгу. Изъ-за мѣста я было не хотѣлъ его принимать. А онъ говорить: „мнѣ мѣста не надо. Я буду стоять тутъ и никому не помѣшаю.“—Ну когда такъ, садись на окно. Думаль — уйдетъ, нѣтъ—сидитъ до сихъ поръ.

Θеодоръ Іосифовичъ отъ удивленія даже развелъ руками.

— А какъ его звать?

— Михай Аверьяновъ.

Я сразу полюбилъ этого мальчика.

При мнѣ Удереvская школа совершенно преобразилась. Я нашель деньги, нашель и людей, и скоро построилъ удобное школьное зданіе. Число школьниковъ увеличилось вдвое и всѣ они ровными рядами размѣстились за прочными дубовыми столами. Мой Михай сидѣлъ въ первомъ ряду „по правиламъ“, не сгибая спины, и, не спуская съ меня своихъ задумчивыхъ синихъ глазъ; онъ на лету ловилъ мои слова. Я чувствовалъ, что невидимыя нити соединяють мою душу съ душою моего ученика и—училъ и наслаждался. Я видѣлъ, что доброе сѣмя падаетъ на добрую почву. Михай вставалъ раньше всѣхъ, чтобы до школы управиться по хозяйству. На большой перемѣнѣ, когда его товарищи съ наслажденіемъ ѣли горячій кулешъ или супъ, Михай, пережевывая на ходу хлѣбъ, бѣжалъ, чтобы напоить скотину. Часто онъ являлся въ школу съ топоромъ въ рукахъ, чтобы сейчасъ же послѣ занятій идти въ лѣсъ. Въ школѣ онъ все время былъ безсмѣннымъ дежурнымъ, отвѣчающимъ за всякій безпорядокъ. Онъ такъ искренно возмущался всякими грубыми шалостями, такъ горячо возставалъ противъ нихъ при самомъ ихъ зарожденіи, что скоро онѣ начали исчезать изъ школьныхъ лѣтописей и въ школѣ воцарился особый благородный „духъ“.

На третьемъ году мать нашла, что Михай достаточно уже научился и хотѣла взять изъ школы, чтобы „кормить овецъ“. Михай упалъ предъ нею на колѣни и горячо просилъ её „дать ему дойти до дѣла“. Онъ на всю жизнь обѣщался освободить её отъ всякой тяжелой работы. Мать уступила. Михай кончилъ курсъ. Скоро изъ него выровнялся статный и красивый парень. По вечерамъ онъ часто посѣщалъ ме-

ня. Мы читали съ нимъ книги о подвигахъ великихъ мужей и добродѣтеляхъ святыхъ. Свое хозяйство онъ велъ образцово. На первыхъ же порахъ самостоятельной жизни онъ занялся удачными посѣвами подсолнуха и на немъ нажилъ деньги, необходимыя для оборота. Благодаря имъ, онъ завелъ обширные посѣвы хлѣба.

Разъ при возвращеніи съ поля у него переломилась оглобля. Михай соскочилъ съ повозки, перевязалъ ее пояскомъ и кое-какъ доѣхалъ до двора. Это дорожное происшествіе, очень неприятное въ рабочую пору, сильно разстроило Михея и онъ, печальный, вошелъ въ хату. Мать сразу это замѣтила.

— Не горюй, сынку, утѣшала она, были бы руки, а оглобля будетъ.

— Я самъ знаю, что заработать все можно, почесываясь отвѣтилъ Михай: да ѣхать за пятнадцать верстъ въ Алексѣевку на базаръ не хочется. Подсолнухи вѣдь не ждуть.

— Зачѣмъ въ Алексѣевку? И тутъ достать можно.

— Гдѣ же тутъ достанешь?

— А въ графскомъ лѣсу.

— Такъ это украсть надо.

— Ну вотъ—украсть!.. Лишь бы что-нибудь брехать.

— Да лѣсъ же панскій.

— Какой же онъ панскій? Садилъ его панъ что ли?

— Хоть и не садилъ, а считается его.

— Какъ завладеть, такъ его. Лѣсъ растилъ Богъ: лѣсъ Божій и мы Божьи.

— Этакъ и подсолнухи наши Божьи?

— Подсолнухи другое дѣло. Надъ подсолнухами мы хлопотали до проливного поту.

— И кабы за лѣсомъ панъ не хлопоталъ, давно бы и хворостины не осталось.

Мать не много помолчала и продолжала:

— Какъ будто ты много!.. Выруби пару оглобель и будетъ съ тебя.

— Это все одно за воровство считается.

— Не ты одинъ. Всѣ рубяты, да еще цѣлыя хаты строятъ.

— Боюсь, сказалъ Михай.

— Чего же ты боишься?

— Да грѣшно, мамо.

— Ишь какой святой выискался!.. А съ матерью спорить не грѣшно?

Михей замолчалъ—Онъ больше всего въ свѣтѣ любилъ и почиталъ свою мать. Облокотившись объ столъ и положивъ на руку голову, онъ сидѣлъ, потупивъ глаза въ землю. Глубокія морщины появились на его лицѣ. Мать искоса взглянула на сына и приказала:

— Иди, когда говорятъ. Возьми топоръ и иди.

Михей поднялся, засунувъ подъ свитку за поясъ топоръ и, надвинувъ на глаза шапку, вышелъ изъ хаты. Мать быстро подошла къ окну и смотрѣла ему въ слѣдъ, пока онъ не скрылся въ ночной темнотѣ. Задними огородами Михай прошелъ на конецъ села. Здѣсь онъ свернулъ къ вѣтрянымъ мельницамъ. Была уже ночь. Родныя хаты потонули во мракѣ. Едва сѣрѣла одна бѣлая церковь. Михай долго смотрѣлъ на нее. Потомъ Михай взглянулъ на темное небо. Тамъ неслись косматыя волны сѣрыхъ тучъ. Дуль порывистый вѣтеръ—предвѣстникъ дождя. Вдали тянулася темная полоса графскаго лѣса. Михай быстрыми шагами направился къ нему по поросшей травой межѣ. Вѣтеръ крѣпчалъ. Высокая рожь колыхалась и склонялась почти до земли. Мелкіе кустарники отчаянно трепетались во всѣ стороны. Но вотъ въ своемъ мрачномъ величїи всталъ угрюмый вѣковой лѣсъ. Какъ бы насмѣхаясь надъ вѣтромъ, громадныя дубы едва шумѣ-

ли своими листьями. Михай зорко вглядывается въ глубь лѣса. Но не видно дяди Семена, не слышно его чуткаго и неизмѣннаго товарища Волчка. Михай нырнулъ въ кусты орѣшника. Осторожно раздвигая деревья, онъ скоро вступилъ подъ сводъ столѣтнихъ дубовъ и потомъ направился къ Иловской просѣкѣ, гдѣ росъ молодой лѣсъ. Сердце усиленно бьется. Глаза беспокойно смотрятъ по сторонамъ. Темныя вершины дубовъ мрачно шумятъ надъ головой. Подъ ногами шелестятъ старыя сухіе листья. Въ груди поднимаются жестокіе укоры совѣсти. Сколько разъ Михай собирался вернуться назадъ и сколько разъ ложный стыдъ подвигалъ его дальше! Но уже рѣдѣютъ деревья. Видны кусты мелкой поросли. Михай сразу отыскалъ глазами подходящія деревца. Онъ выбралъ изъ нихъ два. Внимательно осмотрѣлъ ихъ сверху до низу, протопталъ вокругъ траву и, слегка размахнувшись, ударилъ топоромъ по дереву. Стройное деревцо вздрогнуло и зашумѣло листьями. Звонкій ударъ раздался по лѣсу. Михай испуганно поблѣднѣлъ и залѣзъ въ сосѣдніе кусты. Онъ долго и напряженно прислушивался... Около него шумѣли деревья. Издалека доносились гулкїе раскаты грома и изрѣдка блестяла молнія. Михай осмотрѣлъ окрестности и не нашелъ ничего подозрительнаго. Но уже отсюду понадвинулись темныя тучи и застлали все чорнымъ покровомъ. Порывистый вѣтеръ перешолъ въ грозную бурю. Могучія деревья со стономъ шатались и скрипѣли. Михай подошелъ къ выбраннымъ деревьямъ и началъ ихъ быстро и безпорядочно рубить. Вдругъ раздался страшный ударъ грома и, казалось, потрясъ самыя небеса. Блеснула ослѣпительная молнія и освѣтила все: и

поваленное дерево и обезумѣвшаго отъ ужаса Михея, отъ страха упустившаго на землю топоръ...

Дождь полилъ, какъ изъ ведра. Михей, спотыкаясь, бѣжалъ по лѣсу...

Весь мокрый и въ грязи вернулся онъ домой. Стряхнувъ воду изъ шапки и свитки, онъ прямо повалился на лавку. Мать испуганно смотрѣла на него. Она сѣла на скамеечку возлѣ печки и, подпершись рукою, о чемъ-то задумалась. Маленькая жестяная лампа съ закопченнымъ стекломъ едва освѣщала маленькую хату. Но вотъ Михей всталъ и, зачерпнувъ изъ ведра ковшомъ воду, началъ жадно ее пить. Не спуская глазъ, мать слѣдила за всѣми его движеніями. Михей вытеръ губы и хотѣлъ опять лечь на лавку.

— Рази тѣ не ѣвши ляжешь спать? остановила его мать.

— Я не хочу, отвѣтилъ Михей, не смотря на мать.

— А можетъ поѣлъ бы каши?

— Не нужно.

— Что жь такъ? Можетъ—ты не здоровъ?

Ни слова. Мать разсердилась.

— Чего жь ты молчишь? Иль нѣтъ языка, чтобы матери слово сказать?

— Я здоровъ.

— А здоровъ такъ нечего и притворяться. Ogлобли вырубиль?

Михей побѣлѣлъ какъ полотно. Въ одномъ бѣлѣ съ опущенными внизъ глазами вытянулся онъ передъ матерью и заговорилъ быстро и горячо:

— Не могу, мамо, какъ хочешь, не могу!

— Да гдѣ жь ты шатался?

— Никакъ не могу, мамо: то мнѣ представляется, что меня хватають объѣзчики и сажаютъ въ острогъ, то— что Богъ смотритъ на меня съ высоты высотъ и громомъ хочетъ разра-

зить на мѣстѣ. Не могу, мамо! Ужь я лучше куплю.

Михей легъ на лавку и натянулъ на голову халатъ.

Какъ будто лучъ солнца скользнулъ по морщинистому лицу старой матери. Съ материнскою гордостью слушала она болѣзненный вопль честнаго сердца своего единственнаго сына.

На дворѣ шель сильный дождь. Крупныя его капли стучали въ окно. Сквозь мглу сверкала молнія. Михей спалъ и что-то бормоталъ во снѣ. А на глиняномъ полу, прижимая къ груди высохшія руки, молилась ветхая старушка. Она молила Владычицу міра, да всегда сохранить отъ вражіихъ искушеній ея единственнаго сына и да прикроетъ его Своимъ покровомъ на всѣхъ путяхъ его жизни... Слабо мерцала маленькая лампада и освѣщала потемнѣвшій кроткій ликъ Божіей Матери. Кто какъ не Божія Матерь соберетъ слезы бѣдныхъ матерей?...

На другой день, едва началъ алѣть востокъ, Михей возился уже на дворѣ. Лицо его было блѣднѣе обыкновеннаго. Глаза какъ будто стали глубже и еще темнѣй. Печать глубокой задумчивости легла на все его существо. Съ этихъ поръ онъ сталъ работать еще больше, еще усиленнѣе. Я видѣлъ его и на собственномъ жнивѣ, и на панской степи, и на возу съ яйцами, и за гуртами овецъ. Теперь у него собственная машина и онъ съ своею артелью рабочихъ молотитъ по помѣщикамъ хлѣбъ. Онъ строго смотритъ за своими людьми и у него не украдутъ они панскаго хлѣба. Во время обѣденнаго или праздничнаго отдыха онъ вынимаетъ изъ деревянной коробочки „Училище Благочестія“ и читаетъ вслухъ. Но часто раскрытая книга лежитъ у него на колѣняхъ, а

онъ неподвижно сидитъ, устремивъ въ пространство свои задумчивые синіе глаза. О чемъ онъ думаетъ? Онъ думаетъ о тихой пустынной обители, гдѣ вокругъ шумитъ зеленый боръ, гдѣ въ вечернемъ воздухѣ—миръ и благодать, гдѣ находятъ покой измученная человѣческая душа...

Какъ хозяинъ и распорядитель, Михай могъ бы и не работать больше всѣхъ. Панскій прикащикъ говоритъ: „Михей не утерпите, чтобы не работать“. А я съ гордостью думаю: „это мой ученикъ!“.

Т. А. Гр-евъ.

ПОСѢВЫ И ВСХОДЫ.

(Изъ жизни церковно-приходскихъ школъ).

XX.

Въ области идеаловъ и дѣйствительности. — Одна изъ многихъ юныхъ труженицъ школы. — Трудное начало, но хорошей конецъ. — Отрадное настоящее—надежда будущего.

Немало говорятъ и пишутъ о томъ, какъ много могла бы сдѣлать для нашей деревни *сельская матушка*. Выпускныя рѣчи къ воспитанницамъ, кончающія курсъ въ Епархіальныхъ училищахъ и являющимся главными кандидатками на столь почтенное званіе, полны благопожеланій имъ въ этомъ родѣ и надеждами на то, что ихъ помощь священнику не ограничится хлопотами по кухнѣ и хозяйству, но распространится и на бытъ духовныхъ чадъ ихъ супруга, особенно на женское и дѣтское населеніе деревни.

Безъ сомнѣнія, и сами воспитанницы, дойдя до порога школы, за которымъ имъ открывается невѣдомая жизнь, не безъ любви лелѣютъ идеальныя мечты—быть *матушкой* прихода въ самомъ широкомъ и истинномъ смыслѣ этого почтеннаго званія.

Наступаетъ жизнь... Домъ и хозяйство прежде всего отвлекаютъ молодую „матушку“ отъ всего другого. Удобства жизни, конечно, насколько они возможны въ сельѣ, часто поглощаютъ всѣ ея силы и заботы, хотя „матушка“ и не забываетъ пока своихъ идеальныхъ мечтаній: она думаетъ лишь, что за нихъ примется *послѣ*... Это

„послѣ“ начинаетъ затѣмъ все болѣе и болѣе отодвигаться, проза семейной жизни тушитъ послѣдній пылъ поэзіи и идеаловъ, и... все пропало. „Матушка“ прихода стала „хозяйкой“ дома... и только.

Конечно, это отнюдь не общее правило, и я не рѣшусь утверждать также, что отрадныхъ исключеній изъ этого необщего правила совсѣмъ мало.

Немало есть, безъ сомнѣнія, добрыхъ матушекъ—идеальныхъ труженицъ, которыя, подобно своимъ супругамъ, сельскимъ батюшкамъ, творятъ свое великое дѣло воспитанія народа въ тиши уединенія, вдали отъ посторонняго взора, не ища у людей ни славы, ни гласности. И только изрѣдка ихъ дивныя подвиги на благо народа становятся достояніемъ печати.

Недавно (см. № 15) мы приводили сообщеніе одной изъ такихъ добрыхъ сельскихъ матушекъ, представляющее прекрасный примѣръ того, что она можетъ сдѣлать для блага деревни, особенно на первыхъ шагахъ своей жизни въ деревнѣ. Это послѣднее особенно важно потому, что большинство нашихъ матушекъ покидаютъ свои идеальныя мечты просто отъ неопыт-

ности, отъ неумѣнія приложить ихъ къ дѣлу именно на самыхъ первыхъ порахъ, и отъ напраснаго малодушія и разочарованія, какое неизбежно испытывается отъ того, что дѣйствительность всегда оказывается значительно суровѣе и несоотвѣтственнѣе розовымъ мечтамъ на школьной скамьѣ.

Другой замѣчательнѣйшій примѣръ идеальной сельской матушки (при одной сельской церкви Опочецкаго уѣзда) сообщаютъ Псковскія Еп. Вѣдомости (№ 13, 1903 г.): „Это была замѣчательная матушка! Чуткимъ сердцемъ и трезвымъ умомъ она поняла, какую роль можетъ играть она въ той обстановкѣ, среди которой судьба назначила ей жить. И она начала дѣлать. Она пошла рука-объ-руку съ своимъ мужемъ и начала бодро помогать ему въ его просвѣтительно-благотворительной дѣятельности. Вотъ, они, полные благихъ стремленій, съ глубокой вѣрой въ свои силы, открываютъ въ собственномъ домѣ церковно-приходскую школу. Дѣло тяжелое и отвѣтственное, требующее огромныхъ силъ и настойчивости, и, однако, матушка бодро берется за это святое дѣло и всю себя отдаетъ ему. Въ теченіе цѣлыхъ 20 лѣтъ, до самой смерти, свѣтъ она здѣсь сѣмена добра и свѣта, свѣтъ неутомимо, благотворно, въ живомъ сознаніи громадной полезности этихъ сѣмянъ темному люду, и достигаетъ поразительныхъ результатовъ. Ея школа, по постановкѣ просвѣтительнаго дѣла, по вліянію на мѣстное населеніе, неоднократно обращаетъ на себя вниманіе начальства, и трудолюбивая матушка неоднократно ободряется его участливымъ словомъ; однако, не здѣсь все-таки находить пищу ея неутомимая энергія, а въ самомъ дѣлѣ своемъ,—она его любила, и потому его одного было достаточно для ея поощренія и удовлетворенія...

Но, дѣйствуя такимъ образомъ на подрастающее поколеніе, воспитывая дѣтей, она другою стороною своего существа ус-

пѣвала быть полезной и отцамъ и матерямъ прихода. Здѣсь она была не утѣшительницею только въ нуждѣ и горѣ, но и дѣйствительной помощницей, которая даже матеріально помогала своимъ прихожанамъ. Вотъ приходитъ къ ней крестьянка и со слезами заявляетъ, что ей съ семьей сегодня ѣсть нечего. Матушка не заставляетъ уже повторять просьбу и сѣтованіе и сейчасъ снабжаетъ ее, по силѣ и возможности, необходимымъ. Вотъ, далѣе, мать многочисленнаго семейства спѣшитъ къ матушкѣ и просить у ней 10 коп. на соль, и матушка съ радостью удовлетворяетъ ея просьбу. И это вовсе не идеализація, а живой осязательный фактъ. Съ какой бы нуждой къ этой матушкѣ ни приходили, она всегда, если это, конечно, было въ ея силахъ, умѣла помочь и помочь во-время. Въ видахъ служенія народу, она составила у себя нѣчто въ родѣ домашней аптечки и ея средствами помогала въ болѣе простыхъ и часто встрѣчающихся среди крестьянъ болѣзняхъ. Правда, это не были средства строго медицинскаго характера, такъ какъ на распространеніе такихъ она не имѣла и надлежащихъ знаній; это были, большею частію, рекомендованныя въ общедоступныхъ лечебникахъ лѣкарства домашняго приготовленія, безвредныя, но хорошо дѣйствующія при нѣкоторыхъ болѣзняхъ. Долговременный опытъ и отчасти книжныя указанія хорошо научили матушку въ этомъ смыслѣ, и ея аптека оказывала немалую и существенную помощь населенію... Вообще, эта высокая личность должна быть помянута, какъ другъ народа, другъ любящій, кропкій, самоотверженный, который жилъ съ народомъ одной жизнію, болѣлъ его печалями и радовался его радостями. Это была подвижница на службѣ міру, память о которой долго будетъ жить въ сердцахъ воспитанныхъ и облагодѣтельствованныхъ ею прихожанъ... Такъ много добра можетъ принести сельская матушка, серьезная,

вдумчивая, вѣрно понимающая свое мѣсто и назначеніе. Она является необходимымъ гармоническимъ дополненіемъ своего мужа-пастыря, незамѣнимой поддержкой его, нерѣдко изнемогающаго въ трудной борьбѣ съ народной темнотой и невѣжествомъ“.....

То, что возможно въ деревнѣ сельской матушкѣ, конечно, не менѣе возможно учительницѣ, примѣръ чего, не менѣе краснорѣчивый, также небезлюбопытно привести изъ повременной печати.

„Далеко съ нерадостными мыслями—разсказываетъ одна изъ этихъ юныхъ труженицъ (Орловскія Еп. вѣд. 1902 г. № 48)—пріѣхала я на мѣсто своего назначенія. Село небольшое, окруженное со всѣхъ сторонъ лѣсомъ. Ветхія избышки, почти до крышъ занесенныя снѣгомъ, съ перваго взгляда давали понять о бѣдности своихъ хозяевъ. Посреди села видна такая же ветхая, покривившаяся на одну сторону церковь съ старою деревянною оградой, съ прямыми, высокими соснами и елями, которыя своей величественной красотой еще больше отгнѣняли жалкое убожество ея.

„Что-то ожидаетъ меня въ этомъ захолустьѣ?“ невольно подумала я. „А вотъ, должно-быть, и училище!“ сказала мой кучеръ, и мы подѣхали къ небольшому, новенькому домику, стоящему посреди площади, недалеко отъ церкви. Со всѣхъ сторонъ школа занесена снѣгомъ, на крыльцѣ страшные сугробы, добраться до двери нѣтъ никакой возможности. Между тѣмъ становилось темно, и нужно было подумать о ночлегѣ. Мы отправляемся къ старостѣ, который оказался довольно вѣжливымъ и гостепріимнымъ хозяиномъ. Онъ тотчасъ же велѣлъ своему сынишкѣ сбѣгать за самоваромъ въ кабакъ и предложилъ мнѣ чаю. Не успѣла я выпить и чашки чаю, какъ изба старосты наполнилась мужиками и бабами. Каждому изъ нихъ хотѣлось посмотреть на пріѣхавшую къ нимъ новую „учителку“. Между ними часто прогляды-

вали исключенныя головы ребятишекъ, которые тотчасъ же прятались въ полушубки своихъ матерей, чуть только замѣчали на себѣ мой взглядъ. Все это общество, ничуть не стѣсняясь, тутъ же прямо въ глаза дѣлало мнѣ свои замѣчанія и давало совѣты. Большинство мужиковъ высказывало свое неудовольствіе, что имъ прислали барышню, которую ребятишки-озорники „слухать“ не будутъ. Каждый изъ нихъ старался выразить свой взглядъ на школу: одинъ хотѣлъ бы видѣть своего Митьку читающимъ въ церкви часы и апостоль, другой желалъ бы, чтобы его Васятка умѣлъ написать письмо солдату, а старики просили поскорѣе научить ихъ внуковъ читать „посалтирь“, да пожалостнѣе. Бабы же, въ особенности старухи, съ плаксивыми фізіономіями подходили ко мнѣ, спрашивая: „видно, сиротка, что одна въ такую стужу пріѣхала ребятъ учить. Поди, не будутъ они тебя слухать! А ты ихъ, сердешная, хворостиной да на гречиху! Ужъ пострадай ихъ, родимая!“ Послѣ чая жена старосты предложила мнѣ лечь спать, укававъ на лавку.

Долго не могла я заснуть. Сердце сжималось мучительно при мысли, что среди такихъ темныхъ людей съ ихъ своеобразными взглядами мнѣ придется приводить въ исполненіе свои давно взлелѣяныя мечты: хватить ли у меня силъ одной бороться съ грубостью и невѣжествомъ окружающей среды?

На другой день я пошла въ школу. Внутренній видъ ея произвелъ на меня самое удручающее впечатлѣніе. Классъ представлялъ небольшую съ четырьмя маленькими окошечками комнату, еще не совсемъ отстроенную, о чемъ свидѣтельствовало отсутствіе потолка. Въ углу стоялъ какой-то убогій шкафикъ съ оторванной дверцей. Помѣщеніе учительницы состояло изъ двухъ маленькихъ комнатокъ. Мебели никакой, вездѣ сыро, потолки покрыты плѣсенью, въ стѣнахъ между брев-

нами страшныя щели, черезъ которыя свободно гуляетъ вѣтеръ. Когда я обратилась къ мужичкамъ съ просьбой поскорѣе подѣлать парты и скамейки, староста добродушно отвѣчалъ: „Э, барышня, да развѣ наши ребята господа: они и постоятъ, обойдутся безъ скамеекъ“.

Дня три школу приводили въ порядокъ: мыли, чистили, задрывали потолокъ въ классѣ. Наконецъ, я рѣшилась пойти къ священнику и попросила отслужить молебенъ въ школѣ.

Въ назначенный день школа наполнилась дѣтьми и ихъ родителями. Пришелъ священникъ, отслужилъ молебенъ, потомъ обратился къ присутствующимъ съ небольшою рѣчью о пользѣ ученія. Когда рѣчь была окончена, я рѣшилась отъ себя сказать нѣсколько словъ дѣтямъ и ихъ родителямъ. Я говорила, что школа—второй домъ въ селѣ послѣ церкви, а потому дѣтямъ надо ходить сюда не по принужденію только и не со страхомъ, а съ любовью и интересомъ къ новому, неизвѣстному для нихъ дѣлу науки. Дѣти должны смотрѣть на свою учительницу, какъ на вторую мать, которая вовсе не собирается ставить ихъ на гречиху и наказывать розгами, какъ ихъ пугаютъ, а постарается со вниманіемъ и любовью относиться къ каждому изъ нихъ. Родители, провожая дѣтей въ школу, должны обращать вниманіе на то, чтобы дѣти ихъ по возможности были въ чистыхъ рубашкахъ, съ вымытыми лицами и причесанными волосами. Многіе изъ крестьянъ остались очень недовольны, что учительница не будетъ наказывать ребятъ, и говорили, что такъ ребята совсѣмъ избалуются. Но зато ребятинки съ крикомъ: „учителка добрая, добрая!“ бѣжали изъ школы веселой гурьбой.

На слѣдующій день ко мнѣ пришло человекъ 50 мальчиковъ и 8 дѣвочекъ. Всѣ они выглядывали какими-то запуганными звѣрами; ихъ грязныя руки, лица и головы съ вклоченными волосами приводили

меня въ уныніе. На мое заявленіе, что въ школу нужно ходить въ чистыхъ рубашкахъ и съ причесанными волосами, они отвѣчали, что у нихъ нѣтъ гребешковъ, да и заниматься этимъ каждый день некому. Тогда я взяла ножницы и гребешокъ и остригла наголо всѣхъ своихъ учениковъ, не предвидя, какую неприятность я сдѣлаю этимъ родителямъ ихъ. Сколько проклятій посыпалось на мою голову, когда мальчики вернулись домой остриженными! Бабы пѣлой толпой ворвались въ школу и ругали меня, какъ только умѣли. „Ахъ ты, басурманка“, говорили онѣ, „вѣдь ты всю семью нашу опозорила! У насъ во всемъ роду не было никогда ни стриженныхъ, ни бритыхъ“. Какъ я ни старалась растолковать имъ, что это сдѣлано для ихъ же пользы, онѣ ничего не хотѣли слушать.

При тяжелыхъ условіяхъ пришлось начать мнѣ свою педагогическую дѣятельность. Не мало слезъ, не мало бессонныхъ ночей пришлось пережить мнѣ въ этомъ захолустномъ уголкѣ, гдѣ даже не съ кѣмъ было подѣлиться своими мыслями! Но вѣдь у меня были молодыя силы, было желаніе трудиться и быть полезной для другихъ.

Изъ всѣхъ 60 учениковъ оказалось только два мальчика, которые знали нѣсколько звуковъ, да и то заученныхъ по старинному методу: азъ, буки и т. д.; большинство не знало ни одной изъ общеупотребительныхъ молитвъ, а если нѣкоторые мальчики и пробовали читать какую-нибудь молитву, то искажали слова молитвы до неузнаваемости; немногіе умѣли считать до тридцати. Пришлось всѣхъ соединить въ одну группу и начать со звуковъ. Привыкши къ уличной свободѣ, первое время мальчики никакъ не могли сидѣть спокойно—ссорились, толкали другъ друга, ежеминутно обращались ко мнѣ съ жалобами; одни были слишкомъ бойки, другіе черезчуръ пугливы, закрывались рукавами, и отъ такихъ я не могла добиться слова. Ихъ

рѣчь, представляющая смѣсь великорусскихъ словъ съ малороссійскими, не разъ приводила меня въ недоумѣніе. Я помню, какъ одинъ маленькій мальчуганъ обратился ко мнѣ со словами: „Вонъ ентотъ малый заховаль мою шелевку, я сталъ шукать, а енъ бьетъ!“ Значеніе словъ „заховаль“, „шукать“, „шелевка“ я никакъ не могла понять и потому затруднялась отвѣтить. Но мало-по-малу наше дѣло стало налаживаться. Я начала привывать и скоро всей душой полюбила своихъ маленькихъ дикарей. Они своими дѣтскими чуткими сердцами поняли это и тоже привязались ко мнѣ. Изъ мальчиковъ многіе оказались очень способными и быстрыми шагами шли впередъ. Они очень любили пѣніе и ариеметику, и особенно имъ нравился устный счетъ. Впрочемъ, не могу этого сказать про дѣвочекъ. Онѣ были внимательны, прилежны, но страшно тупы. Что безъ всякаго труда усваивалось мальчиками, то не давалось дѣвочкамъ. Онѣ скоро отстали, и мѣсяца черезъ два у меня образовалось двѣ группы: въ старшей—мальчики, а въ младшей—дѣвочки.

Но въ общемъ я была довольна всѣми учениками, и въ награду за ихъ добросовѣстное отношеніе къ дѣлу я иногда что-нибудь прочитывала имъ или показывала картинки. Съ какимъ любопытствомъ и жадностью слушались рассказы Засодимскаго или изъ „Задушевнаго Слова!“ По прочтеніи какого-нибудь разсказа обыкновенно кто-нибудь изъ учениковъ глубокомысленно замѣчалъ: „Во каково жалостно сказано, ужъ вечеръ разскажу бабкѣ,—плакать будетъ“. Инымъ очень нравились стихотворенія, такъ что мнѣ приходилось по ихъ просьбѣ прочитывать по нѣсколько разъ одно и то же мѣсто. Частенько, бывало, слышишь, какъ они, расходясь по домамъ, повторяютъ читанныя мною стихотворенія: „Ахъ! попалась, птичка, стой!“—или—„Если приведется встрѣтить вамъ такихъ, вы какъ братьевъ, дѣтки, приго-

лубте ихъ“. Видя, съ какимъ интересомъ и съ какою радостью дѣтишки слушали мое чтеніе, я и сама приходила въ восторгъ, и все будущее, которое по пріѣздѣ въ школу рисовалось мнѣ такимъ унылымъ и мрачнымъ, становилось свѣтлѣе, и нравственныя силы мои стали понемногу крѣпнуть. Я не замѣчала, какъ проходили уроки, мнѣ всегда было жаль отпускать учениковъ и не хотѣлось переходить изъ класса въ свои комнаты, гдѣ было пусто, холодно и скучно. Сидишь, бывало, одна весь зимній длинный вечеръ и страшно скучаешь. Въ комнатѣ ни души. Все тихо. Лишь изрѣдка отпотѣвшая плѣсень на потолокъ падаетъ на полъ и такимъ образомъ нарушаетъ гробовое молчаніе. Читать нечего—книгъ нѣтъ, и взять негдѣ; иногда и работать нельзя—руки коченьютъ. Случалось и безъ обѣда оставаться: жена сторожа почему-нибудь не пришла, а самой обѣды готовить было некогда. Но молодость скоро справлялась и съ голодомъ. Возьмешь въ одну руку краюшку хлѣба, въ другую задачникъ Тенешева и сядешь подъ окно просмотрѣть задачи къ слѣдующему дню.

Въ то же время я постепенно знакомялась и съ родителями учениковъ. Крестьяне часто обращались ко мнѣ съ просьбами—составить какую-нибудь бумагу, написать письмо,—и это давало мнѣ возможность все больше и больше заслуживать ихъ довѣріе.

И такъ за дѣломъ быстро летѣло время, незамѣтно наступила весна. Пріѣхаль наблюдатель, произвелъ провѣрочный экзамень ученикамъ и остался очень доволенъ успѣхами ихъ. Мнѣ и самой казалось, что за первую короткую зиму мнѣ удалось сдѣлать значительные успѣхи. Все это радовало меня, удовлетворяло нравственно, заставляло смѣлѣе смотрѣть въ будущее и безъ особенной горечи вспоминать о прошломъ.

Съ того времени, къ которому относятся мои замѣтки, прошло нѣсколько лѣтъ. За

это время, конечно, значительно изменилась къ лучшему и внѣшняя обстановка школы, въ которой мнѣ пришлось пережить всё эти впечатлѣнія, и самой мнѣ уже не приходится считаться съ тѣми затрудненіями, какія встрѣтили меня на первый годъ моего учительства. Но когда я въ своей памяти перебираю все пережитое мною, я съ особеннымъ интересомъ останавливаюсь именно на этомъ времени: воспоминаніе о немъ дорого для меня, какъ дорого бываетъ для насъ воспоминаніе о всякомъ дѣлѣ, въ которое мы влагали свою душу и которому готовы были отдать всё свои силы“.

Таковъ новый примѣръ беззавѣтнаго посвященія нашими юными труженицами

всѣхъ своихъ силъ и жизни на службу родному народу. Отрадно это особенно потому, что эти труженицы являются представительницами юнаго поколѣнія, образованнаго и воспитываемаго примѣнительно къ новѣйшимъ требованіямъ жизни и интеллигентности. Наши епархіальные женскія училища имѣютъ на примѣръ подобныхъ труженицъ прекрасное оправданіе своего благороднаго назначенія и позволяютъ утѣшаться самыми пріятными надеждами на свою плодотворную дѣятельность, со спеціальною цѣлью подготовленія добрыхъ сельскихъ матушекъ и учительницъ, удовлетворяющихъ лучшимъ современнымъ требованіямъ жизни и общества...

НАШЪ ДНЕВНИКЪ.

Іюль 1903.

Взоры всей Православной Русской земли устремлены туда, гдѣ, въ тиши пустыннаго уединенія, совершается великое торжество Православія — прославленіе мощей угодника Божія преподобнаго Серафима, новаго всероссийскаго молитвенника и чудотворца. Туда стремятся безчисленные потомки люда православнаго: туда переносятся сердцемъ миллионы Русскихъ православныхъ людей... Единимъ сердцемъ и едиными устами святая наша Русь славить Бога, прославляющаго святыхъ Своя, и сладостное для русскаго сердца имя *Серафима* обносится яко нѣкое благоуханіе духовное по лицу родной земли...

И невольно вспоминаются слова древняго пророка ветхозавѣтнаго: *блаженъ, иже имать племя въ Сионъ и юзжикъ въ Иерусалимъ!* Какъ отрадно, какъ глубоко умирительно и поучительно сознавать, что мы, грѣшные обитатели земной юдоли, юдоли плачевной, неодинокі здѣсь на землѣ, что мы можемъ и даже должны не только умомъ сознавать, но и сердцемъ ощущать это общеніе между небомъ и землею, между святыми братіями нашими во Христѣ — угодниками Божиими — и нами, странниками и пришельцами земли, между нами, сынами Церкви торжествующей на

небесахъ, и нами, недостойными сынами Церкви еще воинствующей на землѣ... И вотъ, бываютъ времена, когда это благодатное взаимообщеніе какъ бы входитъ въ рядъ обыденныхъ, такъ сказать, явленій нашей церковной жизни, даетъ себя настолько сильно чувствовать православной душѣ, что нельзя о немъ не говорить: оно поразительно до очевидности, какъ будто небо отверзается надъ нашею землею и святые Божіи нисходятъ къ намъ на землю и восходятъ въ чудномъ сіяніи славы Божіей и своего святаго смиренія на облацѣхъ небесныхъ... Святые имена избранниковъ Божіихъ не сходятъ съ устъ православныхъ русскихъ людей: они, эти чудныя имена, повторяются и на молитвѣ, и въ благочестивой бесѣдѣ; то тутъ, то тамъ слышится благоговѣйные рассказы о чудесахъ дивной силы Божіей, проявляемой за ихъ святыхъ молитвы... И счастливъ, несказанно счастливъ тотъ, кто живо ощущаетъ своимъ сердцемъ, кто имѣетъ духовныя очи, чтобы видѣть все то, что совершается вокругъ него. Давно ли мы, православные, пережили такое время въ прославленіи Святителя Божія Феодосія, Черниговскаго чудотворца? Давно ли вся Русь полна была до слезъ умиляющими

повѣствованіями о дивныхъ дѣлахъ Божіихъ, совершенныхъ и до нынѣ совершаемыхъ по молитвамъ сего угодника Божія? Не прошло и десятка лѣтъ, какъ Господь снова являетъ милости Свой къ Руси Православной, утѣшая ее прославленіемъ одного изъ величайшихъ подвижниковъ сравнительно недавно минувшихъ дней,— его знали наши дѣды, о немъ, какъ живомъ, вспоминали наши отцы,—его славу являетъ Господь міру какъ бы во увѣреніе тѣмъ, кто еще не потерялъ совѣсть, кто еще способенъ воспріять истину Божію, что жива наша Церковь Православная, едина святая, соборная и Апостольская, что понынѣ живетъ въ ней Духъ Божій животворящій, что путь къ небу еще отверстъ для всѣхъ ищущихъ спасенія... И зовутъ туда всѣхъ насъ наши братья — святые Божіи угодники, зовутъ насъ туда и новоявленный Саровскій и всея Россіи чудотворецъ—Серафимъ... Онъ, гражданинъ небесный, обитатель горняго Іерусалима, онъ готовъ и намъ подать руку помощи на нашемъ жизненномъ пути—и какою благодію вѣетъ отъ его дивнаго, воистину небеснаго лика!.. Сердце наше невольно рвется къ нему, онъ влечетъ къ себѣ все существо наше, и вотъ отъ сѣвера и моря, юга и востока, какъ бы на крыльяхъ орлихъ, на крилахъ любви летятъ къ нему чада послушанія, смиренныя сыны Церкви Православной... Смирненно повинуются сему влеченію и христіанское сердце Царя нашего, Богомъ вѣнчаннаго: и онъ, кунно съ народомъ своимъ, стремится туда же, къ гробу смиреннаго инока, который былъ чистымъ сосудомъ благодати Божіей, котораго сердце пылало серафимскою любовью къ Богу и ближнему, который носилъ себѣ идеалъ православнаго христіанина... Не умилительное ли это зрѣлище: Помазанникъ Божій, владыка седьмой части шара земнаго, державный обладатель 130 милліоновъ подданныхъ, идетъ смиренно на поклоненіе останкамъ простаго смиреннаго инока, подвизавшагося въ дебряхъ лѣсныхъ?... О, святая наша Русь Православная! Какъ счастлива ты этимъ единеніемъ съ своимъ Царемъ-Батюшкой, какъ несказанно-счастлива приснымъ общеніемъ съ избранными Божіими, которые для тебя никогда

не умирали, которые только „преставились“, только переселились въ горній Іерусалимъ, и оттуда, не связанные узами плоти и ея немощей, еще свободнѣе, еще благотворнѣе и шире продолжаютъ служить тебѣ и молитвою, и духовными дарованіями во славу Божію и во спасеніе чадь твоихъ...

Воистину *блаженъ иже имать племя въ Сионѣ и юзжикъ въ Іерусалимѣ!*..

Все, что мы сказали по поводу великаго Саровскаго и Всероссийскаго торжества, больше сердцемъ чувствуется, нежели просто умомъ постигается. Это область вѣры. У сердца есть своя особенная способность воспріятія впечатлѣній изъ духовнаго міра. Не даромъ покойный знаменитый нашъ философъ-богословъ, профессоръ В. Д. Кудрявцевъ, былъ увѣренъ, что у нашего сердца есть свой органъ Богопознанія... Да, вѣра принадлежитъ сердцу и сердцемъ, любовью, познается Богъ: *не любяи не позна Бога*. И чье же сердце наиболѣе способно къ воспріятію сихъ святыхъ истинъ, истинъ столь для сердца вѣрующаго отрадныхъ и животворныхъ, какъ не сердце дѣтское, невинное, мягкое и чистое?... Счастливы тѣ, кому Богъ поручилъ святое дѣло воспитанія этого невиннаго дѣтскаго сердца, кто сможетъ и сдумаетъ напечатлѣть на этомъ сердцѣ, пока оно мягко и воспримчиво, эти святые истины... Къ вамъ наше слово, дорогие труженики дѣтской сердечной нивы—нивы Божіей! Воспользуйтесь великими явленіями благодати Божіей въ наши дни, чтобъ глубже напечатлѣть въ дѣтскихъ сердцахъ благодатное ощущеніе близости къ намъ міра духовнаго, необходимости и животворности нашего съ нимъ общенія: это будетъ для нихъ благотворнымъ опытомъ духовноблагодатной жизни, залогомъ той вѣры, которая творитъ чудеса, вѣры живой, несокрушимой, основанной на этомъ духовномъ опытѣ... Безъ такого непосредственнаго соприкосновенія дѣтской души съ міромъ духовнымъ напрасны будутъ всѣ наши усилія въ дѣлѣ воспитанія христіанскаго настроенія въ дѣтской душѣ: помните, что не умъ, а сердце есть тотъ органъ, коимъ душа входитъ въ общеніе съ небомъ и воспріимлетъ оттуда Божью благодать!..

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1903 ГОДЪ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЬ ДЛЯ СЕМЬИ

РУССКІЙ ПЯЛОЖНИКЪ

подъ редакцію А. И. ПОПОВИЦКАГО и при участіи
ОТЦА ІОАННА КРОНШТАДТСКАГО

52 №№ ЖУРН. до 2000 СТОЛБЦ. ТЕКСТА и до 300 ИЛЛЮСТР. Очерки, рассказы, стихотворенія, статьи бытового, нравственного и историческаго содержанія, воспоминанія и предан. русск. старины, отклики на вопросы современной жизни.

12 КНИГЪ до 2400 СТРАН. УБОРИСТОЙ ПЕЧАТИ, заключающихъ въ себѣ повѣсти изъ исторіи русскаго народа и православной церкви, очерки и рассказы изъ исторіи библейской общей и церковной, описание святыхъ и т. п.

И КРОМѢ ТОГО **БЕЗПЛАТНО** БУДЕТЪ ВЫДАНО:

6 КНИГЪ до 1000 стр. ВСЕМІРНО-ИЗВѢСТНАГО ТРУДА ДОСТОЧИМАГО АВТОРА ОТЦА ІОАННА КРОНШТАДТСКАГО **МОЯ ЖИЗНЬ ВО ХРИСТѢ.**

Это сочиненіе, переведенное почти на всѣ европейскіе языки, служитъ прекраснымъ руководствомъ къ духовной жизни для всѣхъ, кто стремится приблизить и свою личную жизнь къ тому идеалу, къ которому призываетъ читателей всероссійскій пастыръ апостольскимъ завѣтомъ: „Подражайте мнѣ, какъ и я Христу“.

2 КНИГИ (Больше 400 страницъ, 105 фотогравюръ, карта и 3 плана).

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО СВ. МѢСТАМЪ ВОСТОКА.

Составилъ А. А. Павловскій, специально въ началѣ 1902 года командированный отъ редакціи „Русскаго Паломника“ на Аѳонъ и въ Палестину.

Двѣнадцать кн. „Русск. Пал.“ будутъ содержать:

- 1) *Отецъ Герасимъ.* Пов. изъ жизни сербскаго народа подъ турецк. игомъ. Д. Илича.
- 2) *За братьевъ-славянъ.* (По поводу 25-л. войны 1877—78 гг.) И. В. Преображенскаго.
- 3) *Старецъ Серафимъ и Саровская пустынь.* С. А. Архангелова.
- 4) *Минувшій судьбы Петербургскаго края.* Церковно-истор. оч. Ѳ. В. Четыркина.
- 5) *Федосеевскій владыка.* Повѣсть изъ исторіи раскола XVIII в. Н. Н. Алексѣева-Кунгурцева.
- 6) *Адскій годъ.* (Иезуиты въ Россіи). Церковно-историческ. хроника Н. О. Лихарева.
- 7) *Богомъ отмѣченный.* Быль изъ жизни старца подвижника. Г. Т. Сьверцева.
- 8) *Жизненные вопросы.* (По сочиненію Ѳомы Франка). Н. П. Двигубскаго.
- 9) *На стражѣ православія.* Повѣсть изъ жизни украин. духов. XVIII в. В. А. Радича.
- 10) *Сонъ великаго хана.* Историческая повѣсть. М. Н. Лебедева.
- 11) *„Господь воцарится.“* Десять картинъ славы Господа Иисуса Христа. В. Моно. Перев. С. Моложава.
- 12) *Подъ метомъ уни.* Историч. пов. изъ быта Бѣлоруссіи XVIII в. Н. Стрѣшнева.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на журналъ: безъ доставки въ Спб. **пять руб.**, съ доставкой и перес. во всѣ города Россійской имперіи **шесть руб.**, за границу **8 руб.** **Допускается разсрочка:** при подпискѣ 2 р., къ 1 апрѣля 2 р. и къ 1 іюля остальные.

Главная контора СПб. Стремянная ул., 12, собств. домъ.

СОДЕРЖАНІЕ: Святой носитель православно-русскихъ завѣтовъ. *Димитрія Введенскаго.*—Характеръ и значеніе церковно-школьнаго просвѣщенія. Изъ рѣчи на актѣ по окончаніи занятій въ церковныхъ школахъ 11 мая 1903 г. *Архим. Ѳаддея.*—Письма С. А. Рачинскаго къ Г. А. Толстому.—Изъ учительскихъ дневниковъ Мой ученикъ. *Т. А. Г—ва.*—Посѣвы и всходы. Изъ жизни церковно-приходскихъ школь.—Нашъ дневникъ.—Объявленіе.

ПРИЛОЖЕНІЕ: „Зернышки Божіей Нивы“, книжка 8-я (три статейки).

Редакторъ Архимандритъ **НИКОНЪ.**

Печатать дозволяется. Визанія. Іюля 15 дня, 1903 года. Цензоръ, Ректоръ Визанскій Духовной Семинаріи, Протоіерей *А. Вѣляевъ.*

Типографія Свято-Троицкая Сергіевой Лавры.

ЦѢНА ОТДѢЛЬНОМУ №—10 коп.

Подписная
цѣна на
журналъ 1 р.
съ перес.; вы-
ходить
ежемесяч-
но.

АДРЕСЪ:
Сергіевъ по-
садъ, Моск.
губ., въ Ре-
дакцію „Бо-
жіей Нивы“.